

Своей повестью писатель утверждает, что погоня за далекой иллюзорной целью и утопическое царство, созданное усилием одного героя, не могут быть конечной точкой на пути обретения всеобщего счастья и что память других о человеке есть сила, благодаря которой он существует. В этом смысле в творческом мире Платонова «веществом существования» является именно память.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-194-200

© С. А. Фомичев, © А. К. Михайлова

МЕТАМОРФОЗЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗА (ОТ ПОДПОРУЧИКА КИЖЕ ДО КАТОРЖНИКА БЕРДЫ ОНЖЕ)

Опытный чиновник В. И. Даль часто сталкивался с нелепостями в казенных бумагах, что отражено в его произведениях. Любопытная ситуация с писарской опиской была отмечена в рассказах современников о Павле I, опубликованных Далем в журнале «Русская старина».¹ Он повторял эти анекдоты и в устных беседах. Одну из них воспроизвел С. М. Сухотин, воспоминания которого были опубликованы в 1894 году в «Русском архиве». Запись от 21 декабря 1865 года: «Там (у Одоевских. — С. Ф., А. М.) был Владимир Иванович Даль, рассказавший два интересные анекдота времен Павла, а именно, *кто кричал слушай*. Император Павел, проживая летом в Гатчине, имел обыкновение после обеда отдыхать, сидя в кресле, в комнате, выходящей на улицу, с раскрытою дверью на террасу. В продолжение такого отдохновения все меры были приняты для соблюдения самой мертвенной тишины. Однажды камер-паж *Яхонтов*, впоследствии московский сенатор, страшный тогда шалун, вздумал, во время этого страшного царского дреманья, смешить какими-то фарсами стоявших у окна в нижнем этаже дворца фрейлин, которые, опасаясь шума, заперли окошко прямо в лицо Яхонтову, а последний к вящему их страху, вдруг закричал: *Слушай!* и потом, соскочив с цоколя, убежал и скрылся. Павел, разбуженный этим криком, велел дежурным и коменданту отыскать во что бы то ни стало, кто кричал — слушай. Посланные сменялись один после другого; весь дворец и караул пришли в смятение, и после напрасных поисков старик-комендант уговорил одного из солдат взять на себя вину, обещая ему, конечно, богатое вознаграждение. Трепещущий комендант объявил государю, что виновный найден; тогда Павел, призвав к себе солдата, спросил его: Ты кричал: слушай? — Виноват, я, — отвечал солдат. Какой славный голос, сказал Павел, дать ему 100 рублей! — Другой анекдот о полковнике *Киж*е, мне уже известный за выдумку, но подтвержденный Далем, только, хотя правдоподобный, но не так живописный. Павел, приняв ошибку писаря: подпоручики же (*киже*) за имя собственное, произвел этого Киже в продолжение одного года из подпоручиков в полковники и тогда потребовал его к себе для представления из какого-то отдаленного армейского полка. Штаб, т. е. Военная Коллегия для скрытия ошибки объявил его умершим».²

В публикации В. И. Даля в «Русской старине» случай с писарской опиской не был документирован точным свидетельским показанием. Но в русской армии лишь в 1797 году было введено звание подпоручика.³ Потому-то, вероятно, писарь и запутался в преддверии необычного для него чина («небывалого словца»), а Павел I, исправив по-своему эту ошибку, запомнил странную фамилию офицера, что и предопределило дальнейшее внимание к нему.

¹ Рассказы В. И. Даля о временах Павла I // Русская старина. 1870. Т. 2. С. 294–296.

² Из памятных тетрадей С. М. Сухотина. 1860–1865 // Русский архив. 1894. № 2. С. 266.

³ См.: *Шелелев Л. Е.* Отмененные историей. Чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977. С. 30.

Анекдоты,⁴ записанные Далем, воссоздавали подлинные случаи из жизни Павла I и отражали, в общем-то, симпатичные черты его натуры, несмотря на то, что отец лексикографа оставил место в Гатчине «по неприятностям». Современники свидетельствовали о том, что нередкие взрывы гнева у Павла I сменялись порой неожиданными милостями.⁵

Записанные Далем анекдоты были развиты в произведениях других авторов. Так, Д. С. Мережковский воспользовался одним из них, опубликованным в «Русской старине»,⁶ в пьесе «Павел I» (1908):

«Павел. Да что это вы все, как в воду опущенные? Напугал я вас, видно, давеча моею шуточкой? Ну, не буду, не буду. Пошутил — и довольно... (Марии Федоровне.) А скажите-ка, сударыня, ведь и я человек?»

Молчание.

Павел. Ну, что ж? Отвечайте, коли спрашивают — человек или нет?

Мария Федоровна. Человек, ваше величество...

Павел. А если человек, так, значит, могу ошибаться. И вы — человек?

Мария Федоровна. И я...

Павел. Ну, так значит, можете простить. — Простите же меня, сударыня... И вы все, господа, если я в чем...⁷

В основу пьесы был положен заговор вельмож, приведший к убийству императора, но личность Павла I здесь была истолкована карикатурно.

Еще более нелепым Павел I предстал в интерпретации Ю. Н. Тынянова, который положил в основу рассказа «Подпоручик Киж» анекдоты, рассказанные Далем.⁸

⁴ В «Энциклопедическом лексиконе» А. А. Плюшара (статья А. Никитенко) значилось: «Анекдот (от греческих слов *ανε* и *ἐκδοτος* изданный), заключает в себе: 1) краткий рассказ какого-нибудь происшествия, замечательного по своей необычайности, новости или неожиданности, и проч.; 2) любопытную черту в характере или жизни известного лица, и 3) случай, подавший повод к остроумному замечанию или изречению <...> Главнейшие черты хорошо рассказанного анекдота суть краткость, легкость и искусство сберечь силу или основную идею его к концу, и заключить оный чем-нибудь разительным и неожиданным» (Энциклопедический лексикон. СПб., 1835. Т. 2. С. 303). «Наиболее совершенные образцы анекдотического жанра возникают в зоне пересечения смешного и серьезного, при этом серьезная (в предельном выражении — трагическая) сторона уходит, как правило, в подтекст, образуя глубинный смысловой план анекдота и сообщая ему семантическую неоднозначность. Анекдоты о Павле — яркое тому подтверждение» (Никанорова Е. К. Анекдоты о Павле I и «Подпоручик Киж» Ю. Н. Тынянова // Slavic Almanac. The South African Journal for Slavic, Central and Eastern European Studies. 2006. Vol. 12. № 1. P. 100–101).

⁵ См.: Анекдоты о императоре Павле Первом, самодержце Всероссийском, собранные из разных иностранных и российских писателей и изданные Е. Тыртовым. М., 1807.

⁶ «Отец мой служил в Гатчине при вел. кн. Павле Петровиче, оставил место это по неприятностям, о коих никогда не говорил мне, но о личности велик. князя, между прочим, рассказал мне следующий случай. В Гатчине стоял один из конных полков, и вел. кн. ежедневно бывал на разводе и ученьях. Майор *Фрейганг*, по какому-то недоразумению, опоздал к разводу. Вел. кн. встретил его так, что тот, просидев несколько минут перед ним молча с опущенным пальашом на седле, вдруг свалился, как сноп, наземь. Вел. кн. требовал от врача, отца моего, ежедневно по два раза, устного донесения о положении пораженного ударом, и призвал тотчас к себе оправившегося больного. Встретив его, подав ему ласково руку и посадив его, вел. кн. спросил по-немецки:

— „Bin ich ein Mensch“ (Человек ли я)? и на молчание Фрейганга повторил свой вопрос, а на ответ: да, продолжал:

— „So kann ich auch irren“ (Тогда я могу и ошибиться)!

И далее: „Sind Sie Mensch“ (и вы человек)? — „Человек, в. и. высочество“.

— „Dann können sie auch verzeihen“ (тогда вы, конечно, умеете прощать)! и обнял его» (Рассказы В. И. Даля о временах Павла I. С. 294).

⁷ Мережковский Д. С. Собр. соч.: В 20 т. М., 2022. Т. 5. Кн. 1. С. 39.

⁸ В журнальной публикации Тынянов предположил рассказу небольшое введение, где сказано: «В записках одного ничем не интересного, чиновника современника Даля сохранился рассказанный им анекдот из времени императора Павла в виде двух строк. <...> двухстрочный анекдот, рассказанный Далем (или, вернее, так неумно записанный важным, чванным и глупым

«Рассказ Ю. Н. Тьянянова „Подпоручик Кижэ“ (1928), — отметил Н. Я. Эйдельман, — замечательное художественное воплощение знакомой генеральной идеи о безумии Павла как заостренной форме „самодержавного безумия“. Главное в рассказе — что все происходящее нормально и не только не может вызвать удивление действующих лиц, но представляется им совершенно естественным. Нисколько не собираясь мерить талантливый рассказ рамками строгой истории и историографии, заметим только, что он органически связан с определенным, важным периодом научного истолкования российской жизни конца XVIII века. В последующие десятилетия в трудах покойных историков С. Б. Окуня, А. В. Предтеченского появляются, однако, новые соображения: хотя тема „больной психики“ царя не снимается, но притом говорится о трудности, невозможности однозначного истолкования проблемы». В примечании автор самокритично добавил: «Н. Я. Эйдельман в своей книге „Герцен против самодержавия“ и ряде других проявил известное легковерие при использовании павловских анекдотов в качестве исторического источника. Прежние представления автора о „павловской системе“ теперь кажутся ему самому в ряде отношений упрощенными».⁹

Тьянянов использовал в своей повести и рассказ о крике «Слушай!», но заменил забавный возглас на крик «Караул!», до смерти испугавший императора и приписанный его приближенными призрачному поручику Кижэ. Поэтому воссоздавались абсурдная экзекуция и препровождение под караулом невидимого нарушителя в Сибирь:¹⁰

«Часовые шли и шли.

От шлагбаума к шлагбауму, от поста к крепости, они шли прямо и с опаскою поглядывали на важное пространство, шедшее между ними.

Сопровождать сосланного в Сибирь им приходилось не впервой, но им еще никогда не случалось вести такого преступника. Когда они вышли за черту города, у них было сомнение. Не слышно было звука цепей и не нужно было подгонять прикладами.

чиновником мемуаристом), дошел до него, как слово из той эпохи. Это слово более не употреблялось, и потому казалось удивительным, даже невозможным, но на самом деле было очень обыкновенным в то время» (Красная новь. 1928. № 1. С. 97). В статье Ю. Д. Левина «Об источниках „Подпоручика Кижэ“» показано, что публикация «Из памятных тетрадей С. М. Сухотина» была для Тьянянова главным источником. Левин опровергает распространенную точку зрения, согласно которой «анекдоты эти были почерпнуты писателем из книги „Павел I“, вышедшей к столетию убийства императора. На это издание ссылается и Б. О. Костелянец в комментарии к повести, и А. В. Белинков в монографии о Тьянянове» (Левин Ю. Д. Об источниках «Подпоручика Кижэ» // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7. С. 393). Как один из аргументов Левин приводит воспоминания коллеги: «С. А. Рейсер, работавший в 20-е годы секретарем Ю. Н. Тьянянова, сообщил нам, что, насколько он помнит, источником сюжета „Подпоручика Кижэ“ послужила история, заимствованная из „Русского архива“» (Там же. С. 395). Исследователь приходит к выводу, что «памятные тетради» Сухотина, по-видимому, «явились для писателя лишь первым толчком для размышлений над сюжетом повести. В дальнейшем же он обратился в поисках материалов к сборнику „Павел I“, откуда был заимствован анекдот, положенный в основу истории поручика Синохаева. Однако этим не ограничилось использование сборника. Ряд частных, „проходных“ эпизодов повести, как оказалось, опирается на материалы, почерпнутые из этой книги» (Там же. С. 395). Возможно, Тьянянову стала известна и публикация в «Русской старине».

⁹ Эйдельман Н. Я. Грань веков. Обреченный монарх Павел I. СПб., 2017. С. 183–184. Иначе смотрел на изображение Павла А. Белинков, который в книге о Тьянянове писал: «Дело не в безумии императора, а в той атмосфере безумия, когда нормой становится нарушение нормы. „Кижэ“ так бы и остался анекдотом и его не спасли бы пейзажи, портреты и роман фрейлины, если бы безумие Павла стало мотивировкой событий. Вся эта история не вышла бы за пределы пустяка, если бы все свелось лишь к тому, что император сумасшедший, потому что — чего не бывает с сумасшедшим. Сумасшествие — это явление исключительное, частное и случайное. А деспотическое самовластие — явление обычное, общее и привычное. Поэтому о том, что Павел сумасшедший, в новелле не сказано. Лишь в конце появляется намек на сумасшествие, но и он снимается тем, что в безумии Павла больше истины, чем бреда» (Белинков А. Юрий Тьянянов. 2-е изд. М., 1965. С. 387).

¹⁰ Это наглядно было представлено в кинофильме «Поручик Кижэ» (1934; реж. А. М. Файнциммер). О соотношении сценария и повести см.: Ямпольский М. Персонаж как «интертекстуальное тело» («Поручик Кижэ» Тьянянова) // Ямпольский М. Память Тиресия: Интертекстуальность и кинематограф. М., 1993. С. 327–370.

Но потом они подумали, что дело казенное и бумага при них. Они мало разговаривали, так как это было запрещено.

На первом посту зритель посмотрел на них, как на сумасшедших, и они смутились. Но старший показал бумагу, в которой было сказано, что арестант секретный и фигуры не имеет, и зритель захлопотал и отвел им для ночлега особую камеру в три нары. Он избегал разговаривать с ними и так юлил, что часовые невольно почувствовали свое значение». ¹¹

Поручику последовало высочайшее прощение, он был обвенчан и проделал стремительную карьеру. Только теперь император вознамерился лично узреть генерала Кижю, но ему доложили, что он скончался, и тогда были устроены торжественные похороны генерала. Вся эта история обоснована точными деталями в описании обстановки и общественной атмосферы эпохи, но главное — повторенными, вслед за Мережковским, расхожими анекдотами о Павле Первом.

В заключение же сообщено: «Так был похоронен генерал Кижя, выполнив все, что можно было в жизни, и наполненный всем этим: молодостью и любовными приключениями, наказанием и ссылкой, годами службы, семьей, внезапной милостью императора и завистью придворных.

Имя его значится в „С.-Петербургском некрополе“, и некоторые историки вскользь упоминают о нем.

В „Петербургском Некрополе“ не встречается имени умершего поручика Синюхаева.

Он исчез без остатка, рассыпался в прах, в мякину, словно никогда не существовал.

А Павел Петрович умер в марте того же года, что и генерал Кижя, — по официальным известиям, от апоплексии». ¹²

В отличие от «официального известия» о кончине императора (в действительности убитого заговорщиками) ссылка на «Петербургский Некрополь» — не более чем придуманная художественная деталь: закономерный итог изложенной выше абсурдной истории, которая, впрочем, контрастно отгнана в рассказе трагической судьбой поручика Синюхаева, ошибочно названного в приказе умершим.

Дело в том, что в рассказе Тынянова содержался намек на нелепые постановления советской власти: непомерное возвеличивание одних лиц и шельмование других. ¹³

¹¹ Тынянов Ю. Соч.: В 2 т. Л., 1985. Т. 1. С. 340–341. По воспоминаниям Г. М. Козинцева, «еще до замысла „Подпоручика Кижя“ Юрий Николаевич с увлечением пересказывал случай с царским солдатом, охранявшим голое поле: артиллерийский склад, бывший здесь, упразднили, но приказ о снятии поста забыли отдать, и вот на месте, где стоял некогда склад (а потом и след его исчез), десятилетиями сменялись караульные. <...> В рассказе с совершенной отчетливостью возникала степь, ни крохотного строения вокруг. Часовой в полной выкладке сторожит пустоту. Приходит другой солдат, по всей форме устава происходит передача поста. Теперь другой часовой несет охрану пустого места. Дежурный офицер проверяет, нет ли упущений по службе. <...> Идея охраны пустоты заключала в себе как бы сгусток бессмыслицы бюрократической системы, абсурдность выполнения буквы закона, лишенного содержания. Из анекдота возникало политическое и философское обобщение» (Козинцев Г. М. Глубокий экран // Козинцев Г. М. Собр. соч.: В 5 т. Л., 1982. Т. 1. С. 103).

¹² Тынянов Ю. Соч. Т. 1. С. 352.

¹³ О сатирическом смысле повести М. Геллер писал: «Рассказы («Подпоручик Кижя», «Восковая персона», «Малолетний Витушишников». — С. Ф., А. М.) написаны в редком жанре исторической сатиры. Нет нужды доказывать, что автор исторического романа (рассказа), как бы ни интересовала его эпоха, в которую он помещает действие, всегда сводит счеты с временем, в котором живет. Сведение счетов с настоящим — прямая цель сатиры. <...> Фантастическо-сатирический мир исторических рассказов Тынянова был зеркалом, верно отражавшим реальную советскую действительность» (Геллер М. Подмена как образ жизни (История и сатира у Юрия Тынянова) // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1989. Vol. 30. № 3–4. P. 297). Одновременно на ту же особенность исторической прозы Тынянова указывал И. Г. Волович (см.: *Волович И. Г. Историческая проза Ю. Тынянова* // Изв. АН СССР. Сер. литературной и языка. 1989. Т. 48. № 6. С. 517; см. также: *Белинков А. Юрий Тынянов*. С. 389; *Suni T. «Подпоручик Кижя» Ю. Тынянова как метафикция* // *Studia Slavica Finlandensia*. Helsinki, 1998. Т. 15. P. 137).

«„Подпоручик Кижэ“ и „Восковая персона“ были нам глубоко понятны», — отмечал Илья Эренбург. Он «в то же самое время, зная только „Кюхлю“, писал о приключенных злосчастного Лазика Ротшванца», отчитывавшегося о приплоде кроликов, которых в реальности загрызла собака». Он «понял, что есть люди, для которых всего важнее статистика».¹⁴ Ощущали эту проблему и другие писатели.¹⁵ Рассказы Тынянова о прошлом «волновали современников больше, чем рассказы иных о настоящем», — вспоминал Н. К. Чуковский.¹⁶ Н. Я. Мандельштам считала, что произведения Тынянова — это реакция на государственный террор и всеобщий страх.¹⁷

В такие же отношения вступали история и современность в романе Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», который в 1927 году печатался в журнале «Звезда». «Роман, — пишет Н. Я. Эйдельман, — вызывал и вызывает яростные споры „за“ и „против“. Сразу видно, что это один из самых живых советских романов! Без сверхзадачи задача не решалась: Тынянов писал о Грибоедове и, разумеется, о себе. О разочаровании во многих надеждах и иллюзиях 1920-х годов; о трудном времени, наступающем для настоящей литературы; о гибельных попытках сопротивляться и еще более гибельных — признать „все действительное разумным“, раствориться в компромиссе».¹⁸

Рассказ «Подпоручик Кижэ» предвосхищал и обэриутскую поэтику абсурда (нежелание признать «все действительное разумным»)¹⁹. Ср., например, такой из «Слу-

¹⁴ Юрий Тынянов: Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М., 1966. С. 184.

¹⁵ Явно под влиянием «Подпоручика Кижэ» написан рассказ С. Д. Кржижановского «Товарищ Брук» (1931) — в обоих случаях в основе сюжета лежит жизнь некоей мнимости, фантома. Герой рассказа — «товарищ Брук, после смерти практически адекватно замещенный своими брюками» (*Кубасов А. В.* «Товарищ Брук» С. Д. Кржижановского и «Подпоручик Кижэ» Ю. Н. Тынянова: варианты представления мнимости // *Уральский филологический вестник*. 2016. № 3. С. 177). «В условиях омертвления реальной жизни единственным живым и для Тынянова, и для Кржижановского остается слово, язык» (Там же. С. 178).

¹⁶ *Чуковский Н. К.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 121.

¹⁷ *Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1990. С. 268–272. В то же время некоторые исследователи считают, что «представление описываемых Тыняновым событий только как аналогии советской действительности несколько упрощает тексты». При этом «остается непонятной и скрупулезность работы Тынянова с историческими документами, его изощренная игра с цитатами из исторических документальных и художественных источников». Для Тынянова главным «артефактом ушедшей эпохи является язык. Вспомним характерное для павловского царствования слово „караул“ или то, что сама история о Кижэ, по словам автора, „слово“ прошедшей эпохи <...> Не случайно и использование Тыняновым множества пословиц и поговорок, живой речи в своих текстах. Такую же роль живого слова несут в себе анекдоты и воспоминания современников: монтируя их в свой текст, Тынянов дает им вторую жизнь. <...> Перетасовка фактов — фрагментов чужих воспоминаний о минувших эпохах — оборачивается игрой автора», он играет «с историческим дискурсом, который не может претендовать на истинность» (*Матвеева Д. А.* Концепция исторической прозы Ю. Н. Тынянова (на примере рассказов «Подпоручик Кижэ», «Малолетний Витушишников» и повести «Восковая персона») // *Сибирский филологический журнал*. 2015. № 3. С. 142, 150).

¹⁸ *Эйдельман Н. Я.* «Быть может, за хребтом Кавказа» (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М., 1990. С. 130. Психологическая версия «омертвевшего душой» Грибоедова, впрочем, была развита в романах Д. С. Мережковского «Александр I» и «14 декабря», что имело и свою литературную предысторию. В рецензии на книгу П. Е. Щеголева «А. С. Грибоедов и декабристы» Федор Сологуб в 1905 году напишет о Грибоедове: «На языке — медок болтливый свободомыслия, а на сердце — ледок смиренного удрия. И вот беспощадный талант сделал мораль и сатиру широкошумными ширмами жестокой автосатиры. Портрет, списанный с какого-то ничтожного Молчалина, зажегся живою жизнью, потому что в нем ожила душа автора, значительная во всех своих переживаниях, но увы! — дьявольскою ирониею судьбы прикованная к гибкому хребту чиновника» (цит. по: *Долгополов Л. К., Лавров А. В.* Грибоедов в литературе и литературной критике конца XIX — начала XX в. // *А. С. Грибоедов. Творчество, биография, традиции*. Л., 1977. С. 121–122).

¹⁹ Не случайно в 1929 году обэриуты включают имя Тынянова в план сборника под названием «Ванна Архимеда»: «Стихи: 1. Заболотский. 2. Введенский. 3. Хармс. 4. Хлебников. 5. Тихонов; «Елизавета Бам». Проза: 1. Каверин. 2. Введенский. 3. Добычин. 4. Хармс. 5. Тынянов. 6. Шклов-

чаев» Даниила Хармса: «Был один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно.

Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было.

У него не было даже рук и ног. И живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего не было! Так что непонятно, о ком идет речь.

Уж лучше мы о нем не будем больше говорить».²⁰

Историю подпоручика Кижэ вспомнил и Варлам Шаламов, предварив один из своих колымских рассказов признанием: «Анекдот, превратившийся в мистический символ... Живая реальность, ибо с подпоручиком Кижэ общались люди, как с живым человеком — все, что так хорошо рассказал нам Юрий Тынянов, долгое время не принималось мной, как запись были. Поразительная история павловского времени была для меня лишь гениальной острой, злой шуткой какого-либо досужего вельможи-современника, превратившейся, помимо воли автора, в ярчайшее свидетельство черт примечательного царствования. Лесковский часовой²¹ — история того же плана, утверждающая преемственность нравов самодержавия. Но самый факт царевой „описки“ внушал мне сомнения — до 1942 года».²²

По свидетельству рассказчика, он, будучи фельдшером в больнице для заключенных,²³ столкнулся там с одним из подопечных: туркменским крестьянином Тошаевым, который некогда, прибыв для заработка в Новосибирск, был схвачен на тамошнем базаре и с тех пор томился на каторге под нелепым прозвищем Берды Онже. Освоив русский язык, он тщетно пытался добиться справедливости.

«Берды удивился, — свидетельствует Шаламов, — что я сразу понял суть дела».²⁴

В самом деле, можно было догадаться (вспомнив историю подпоручика Кижэ), что машинистка, перепечатывая — вероятно, неразборчивый — список из 59 заключенных, вместо воровской клички (погонялы) последнего из них («Берды, он же»), — впопыхах отстучала: «60. Берды Онже».

Отталкиваясь от этого факта, писатель воссоздает образы конвоиров; едва ли подлинный Тошаев, не владевший в ту пору русским языком, запомнил фамилии негодяев и уж, конечно, никоим образом не ведал, как вызревал у них хитроумный план исполнения дефектного списка заключенных.

Казалось бы, Шаламов здесь отступает от своих творческих принципов; ср.: «...нужно было пройти войнам и революциям, Хиросиме и концлагерям, немецким и советским, чтобы стало ясно, что самая мысль о выдуманных людях раздражает любого читателя. Только правда, ничего кроме правды. Документ становится по главу угла искусства. <...> Должна быть создана проза, выстраданная как документ...»²⁵

Но можно ли по справедливости считать лейтенанта Куршакова и блатаря Берды *выдуманными людьми*? Ср.: «От волнения Куршаков едва разбирал фамилии, да и буквы в самом деле расплылись. Номера 60 не было. Половина пути уже была пройдена. За такие потери взыскивали строго, и Куршаков уже прощался с погонами и офицерским пайком. Боялся он и отправки на фронт. Шел второй год войны, а Куршаков счастливо служил в конвойной охране. Он зарекомендовал себя исполнительным и аккуратным офицером. Десятки раз возил он этапы, большие и маленькие, водил эшелоны, бывал

ский. 7. Олеша» (см.: Ванна Архимеда / Сост., подг. текста, вступ. статья и прим. А. А. Александрова. Л., 1991. С. 486).

²⁰ Там же. С. 229.

²¹ Здесь имеется в виду рассказ Н. С. Лескова «Привидение в инженерном замке (из кадетских воспоминаний)».

²² Шаламов В. Т. Собр. соч.: В 6 т. М., 2013. Т. 1. С. 632.

²³ На самом деле фельдшером в больнице для заключенных Шаламов был определен после окончания курсов только в декабре 1946 года (см.: Основные даты жизни и творчества В. Т. Шаламова // Шаламов В. Четвертая Вологда. Вологда, 2021. С. 266). Но военная дата в данном случае стала необходимой для характеристики офицера Куршакова.

²⁴ Шаламов В. Т. Собр. соч. Т. 1. С. 636.

²⁵ См.: Михайлов О. В круге последнем // Вехи (субботнее приложение к газете «Российские вести»). 1993. Октябрь. Вып. 25. С. 11.

и в спецконвое, и никогда не было у него побега. Его даже наградили медалью „За боевые заслуги“ — такие медали выдавали и в глубоком тылу». ²⁶

«Но ведь был живой человек — номер пятьдесят девятый. Он-то мог сказать, что кличка „Берды“ принадлежит ему? Мог, конечно. Но каждый развлекается, как может. Каждый рад смущению и панике в рядах начальства. Навести начальство на истинный путь может только фраер, а не вор. А пятьдесят девятый номер был вор». ²⁷

Распутывая нелепую по истокам историю, писатель вновь убеждался в сущностном подобию колымских начальников и блатарей (по официальному определению, «друзей народа»), что было ведущей темой шаламовской прозы вообще. Об этом свидетельствовал и *выстраданный документ* о Берды Онже, анализ которого стимулировал воссоздание *правды* о колымской каторге.

Писатель недаром заявлял: «...очерков в „Колымских рассказах“ нет. Я не пишу воспоминаний и стараюсь уйти от рассказа как формы. Очерки — это „Зеленый прокурор“, „Курсы“, „Материал о ворах“. Все остальное — не очерки, а, как мне кажется, гораздо важнее». ²⁸

«Достоверность, — по убеждению Шаламова, — вот сила литературы будущего». ²⁹

²⁶ Шаламов В. Т. Собр. соч. Т. 1. С. 633.

²⁷ Там же. С. 636.

²⁸ Шаламов В. Из переписки / Публ. и прим. И. Сиротинской // Знамя. 1993. № 5. С. 142.

²⁹ Шаламов В. Т. Собр. соч. Т. 1. С. 203. Ср.: «ДОСТО- частица, ставимая слитно перед сущ. и прил. для усиления их достоинства или значения. Достоверный, стоящий вероятия, вполне верный, истинный, несомненный» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 1. С. 479).

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-200-210

© И. З. Сурат

«ЕСЛИ Б МЕНЯ НАШИ ВРАГИ ВЗЯЛИ...» О. Э. МАНДЕЛЬШТАМ: СТИХИ О РАЗУМЕ И БЕЗУМИИ

У позднего Мандельштама есть стихотворение, которое почти никогда не цитируют, а если и цитируют, то только для того, чтоб рассказать, как вдова поэта Надежда Яковлевна переделала в нем последнюю строчку, изменив ее смысл на противоположный. Надежду Яковлевну теперь принято уличать в фальсификации мандельштамовских текстов и биографии, между тем ее поступок заслуживает того, чтобы в нем разобраться, а для этого нужно прежде всего разобраться в самих стихах:

Если б меня наши враги взяли
И перестали со мной говорить люди,
Если б лишили меня всего в мире:
Права дышать и открывать двери,
И утверждать, что бытие будет
И что народ, как судия, судит, —
Если б меня смели держать зверем,
Пищу мою на пол кидать стали б —
Я не смолчу, не заглушу боли,
Но начерчу то, что чертить волен,
И, раскачав колокол стен голый
И разбудив вражеской тьмы угол,
Я запрягу десять волов в голос